

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.07.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-8-220-227

КОЛЕСНИЧЕНКО Ольга Викторовна,
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Рязанский филиал Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: olja_korn@mail.ru

КИБЕРФИЗИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О ЛИЦАХ

Аннотация. Настоящая статья посвящена характеристике такого особого явления, как киберфизическая система (КФС), с позиции цивилистического учения о лицах. Автором исследуются основные доктринальные подходы, направленные на учет особенностей влияния КФС на возможность осуществления традиционными субъектами оборота гражданских прав и исполнения обязанностей. Аргументировано, что КФС не могут выступать в гражданских правоотношениях в качестве лиц, осуществляющих посреднические функции (агентов), поскольку возможность получать информацию из организма человека или внешнего мира и принимать на ее основе интеллектуальные решения не предполагает оценки таких решений в контексте вероятных правовых последствий. Отмечается, что идея признания КФС самостоятельным субъектом права наравне с юридическим лицом с позиции ее современного теоретико-правового обоснования не учитывает особенностей правового статуса коллективных субъектов права, производности процессов формирования их воли и выражения волеизъявления от результатов психической деятельности физических лиц (субъектов, образующих органы управления юридического лица). Вместе с тем, именно эта идея представляет значительный интерес в русле развития качественно новой фиктивной конструкции участника гражданского оборота (квази-лица), для которого аналогичные процессы опосредуются воздействием на КФС управляющего субъекта – традиционного субъекта гражданского оборота (гражданина или организации). Реализация такой модели предполагает, что на последнего возлагаются обязанности по наделению КФС обособленным имуществом для осуществления экономической деятельности. Область применения такой модели очерчена такими видами этой деятельности, для которых свойственно применение технологических возможностей КФС и отсутствие непосредственного контакта с контрагентом на стадии возникновения, а также на всем протяжении существования договорных отношений.

Ключевые слова: агент, искусственный субъект права, киберфизические системы, коллективный субъект права, правосубъектность, участник гражданского оборота, учение о лицах, юридическое лицо.

KOLESNICHENO Olga Viktorovna,
doctor of law, associate professor, associate
professor of the of the Department
of State and civil disciplines of the Ryazan Branch
of the Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

CYBER-PHYSICAL SYSTEMS IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE CIVILISTIC TEACHING OF PERSONS

Annotation. This article is devoted to the characteristics of such a special phenomenon as a cyber-physical system (CPS) from the standpoint of the civilistic doctrine of persons. The author examines the main doctrinal approaches aimed at taking into account the peculiarities of the influence of CPS on the ability of traditional subjects of circulation to exercise civil rights and fulfill obliga-

tions. It is argued that CPS cannot act in civil legal relations as persons performing intermediary functions (agents), since the ability to receive information from the human body or the outside world and make intelligent decisions on its basis does not imply an assessment of such decisions in the context of probable legal consequences. It is noted that the idea of recognizing the CFS as an independent subject of law on an equal basis with a legal entity from the standpoint of its modern theoretical and legal justification does not take into account the peculiarities of the legal status of collective subjects of law, the derivative nature of the processes of forming their will and expressing their will from the results of the mental activity of individuals (subjects that form the governing bodies of a legal entity). At the same time, it is this idea that is of considerable interest in the context of the development of a qualitatively new fictitious design of a participant in civil circulation (quasi-person), for whom similar processes are mediated by the impact on the CFS of the managing subject - a traditional subject of civil circulation (citizen or organization). The implementation of such a model assumes that the latter is obliged to provide the CFS with separate property for the implementation of economic activity. The scope of application of such a model is outlined by such types of this activity, which are characterized by the use of the technological capabilities of the CFS and the absence of direct contact with the counterparty at the stage of emergence, as well as throughout the entire existence of contractual relations.

Key words: *agent, artificial legal entity, cyber-physical systems, collective legal entity, legal personality, participant in civil turnover, doctrine of persons, legal entity.*

Введение

Стремительное технологическое развитие ставит перед правовой наукой множество непростых вопросов о необходимости и корректности вовлечения новых видов носимых и имплантируемых устройств, средств коммуникации и измерения в сферу правового регулирования, придания юридического значения их использованию субъектами права. Многие классические теории, лежащие в основе цивилистической доктрины, в таких условиях подвергаются испытанию на прочность, в то время как значительную опасность представляет стремление к казуистическому регулированию возникающих отношений, бессистемному закреплению заимствованных из области электроники, информатики и других наук категорий в нормативных правовых актах.

Достаточно популярным в современной цивилистике является приведение понятий из технологической среды, сопровождаемое попытками их толкования для целей использования в правовом поле, при регулировании отношений гражданского оборота. Одним из них таких понятий является понятие «киберфизические системы (КФС)», трактовка которого нередко оказывается подчинена контексту конкретного исследования и (или) попытке разрешить определенную проблему, обнаруживаемую в правоприменительной практике. Существующие определения КФС основываются на кибернетических характеристиках данных систем, способных посредством согласованной работы структурных элементов получать, преобразовывать и передавать информацию [9, с. 75]; на представлении о внутренней структуре каждой киберфизической системы, интегрирующей в себе физический и вычислительных компоненты [1, с. 147]; наконец, на технологических возможностях

КФС (иначе – их функциях), объединяющих в себе получение информации из окружающей среды, ее адаптацию для принятия интеллектуальных решений [2, с. 73].

Однако конкретизация инструментальных и вычислительных характеристик КФС в доктринальном, и тем более, легальном определении не может являться целью науки гражданского права, поскольку правовое значение в сфере гражданско-правового регулирования имеют лишь характер и степень воздействия таких систем на способность участников оборота иметь и реализовывать свои права и обязанности. Представляется необходимым сместить акценты с попыток насыщения законодательства терминами из технологических стандартов, на характеристику такого особого явления, как киберфизическая система, с позиции цивилистического учения о лицах, так как только на основе такой характеристики может быть предложена оптимальная модель правового регулирования общественных отношений, в которые так или иначе вовлекается этот сложный технологический инструмент, дана оценка современным тенденциям к определению КФС как самостоятельного субъекта права, «искусственного» агента физического или юридического лица и т.п.

С учетом сказанного, рассмотрение киберфизических систем в контексте развития цивилистического учения о лицах является целью настоящего исследования. Для достижения этой цели предполагается решить ряд сопутствующих задач: дать характеристику основных видов КФС, воздействующих на способность субъектов гражданского права иметь и реализовывать свои права и обязанности; исследовать доктринальные подходы к определению значения использования таких систем и их оценке с позиции базовых посту-

латов цивилистического учения о лицах. Методология исследования с учетом обозначенной задачи и поставленных задач закономерно очерчивается применением общефилософских (материалистический, диалектический), общенаучных (логический, системно-структурный), частнонаучных (формально-юридический) методов, среди которых особое место отводится формально-юридическому (догматическому) методу, направленному на уяснение непосредственного юридического содержания искомого нормативного правового регулирования.

Киберфизические системы, оказывающие влияние на участников гражданского оборота: виды и механизм действия

Во всем многообразии киберфизических систем, применению которых посвящены как специальные, так и юридические исследования, особое внимание обращают на себя КФС, которые воздействуют на субъект права непосредственно (если речь идет о физическом лице) или же опосредованно (если речь идет об организации) благодаря технологическому соединению их программно-аппаратного с организмом человека. Примечательно, что такие КФС отличаются по механизму действия и включают в себя:

1. *КФС замещающего действия* – представляют собой одну из самых первых по времени возникновения разновидностей КФС, принцип действия которых предполагает замену (замещение) органов, их систем, тканей человека и (или) выполняемых ими функций. Аппаратный комплекс такой системы компенсирует утраченные возможности органов и тканей человеческого тела, максимально используя при этом его сохранившийся потенциал.

Наиболее показательным примером таких КФС в настоящее время являются бионические протезы, в основу действия которых положен эффект мышечной реиннервации. Встраиваемый компонент протеза усиливает нервный импульс, посылаемый к мышце, и передает его на внешний модуль, приводя его в движение. Новейшие разработки в данной сфере включают в себя субдуральные нейропротезы, воздействующие на спинной мозг в целях восстановления подвижности, импланты, встраиваемые в головной мозг, обеспечивающие «переподключение» поврежденных участков за счет направленного воздействия на нервные узлы. Важной особенностью КФС замещающего действия является возможность их использования не только для восстановления, но и для улучшения способностей и возможностей организма человека.

2. *КФС – измерительные средства*. Данная разновидность киберфизических систем исполь-

зуется, в первую очередь, в диагностических целях, однако широкие возможности их влияния на участника гражданского подспудно определяются тем, что аппаратный комплекс КФС (датчик, иное считывающее устройство) имплантируется в тело человека и технологически соединен с внешним устройством вывода и обработки информации.

По общему правилу, такая конструкция используется для аккумуляции в режиме реального времени сведений о физических и биохимических показателях, состоянии здоровья физического лица (пульс, уровень сахара в крови, электролитный баланс, гормональные изменения, напряжение мышц и т.п.), на основе которых таким лицом принимаются те или иные решения (о приеме препаратов, обращении за медицинской помощью, смене вида активности и т.п.). Однако важно иметь в виду, что технические возможности таких КФС допускают передачу сведений на любое вычислительное устройство, находящееся в теле человека или вовне (глазные имплантаты, воспринимающие изображение и направляющие его в хранилище; бионическая поджелудочная железа с мини-сенсором, передающим на смартфон данные об уровне сахара в крови; «умные» татуировки, представляющие собой сенсор метаболитических веществ, выделяемых с потом, и т.п.).

3. *КФС широкого спектра действия (интеллектуальные)* представляют собой наиболее важную с точки зрения цивилистического учения о лицах категорию киберфизических систем, поскольку в основе их действия лежит тот или иной механизм искусственного интеллекта, чем определяется способность такой КФС самостоятельно принимать и реализовывать вариативные интеллектуальные решения на основе полученной из внешней среды информации. Сведения о состоянии здоровья физического лица и показателях его жизнедеятельности при этом могут передаваться на иные устройства ввода и вывода информации, а равно и аппаратные комплексы (устройство подачи лекарства, связи и т.п.) без участия самого пользователя (одобрения соответствующей операции). В качестве примеров таких КФС можно отметить беспроводные имплантаты, используемые для нейростимуляции мозга пациентов с болезнью Минора (эссенциальный тремор), микрофлюидные чипы, абсорбирующие злокачественные раковые клетки, и др.

4. В настоящее время одним из перспективных направлений киберфизических систем данного вида считается их комплексное использование, в частности, в сфере организации оказания медицинской помощи и постороннего ухода. Предполагается, что КФС замещающего типа могут интегрироваться с более совершенными КФС

широкого спектра действия (интеллектуальными), такими, как «умные дома», в целях автономной оценки показателей жизнедеятельности пациента или лица, нуждающегося в постороннем уходе, и принятия интеллектуальных решений на основе полученной информации (о вызове скорой медицинской помощи, удаленной связи с медицинским работником, подаче лекарства или проведении иных манипуляций в целях предупреждения угрозы жизни и здоровью пользователя).

Следует обращать внимание на то, что в доктринальном ключе наибольший интерес вызывают КФС замещающего типа, которые вовлекаются в область цивилистического дискурса традиционно в контексте попыток определения их правового режима в гражданском обороте в качестве вещи, части тела человека или части тела человека, способной приобретать качество вещи [11, с. 58]. Однако такой подход несколько отстает от современных технологических возможностей. В особенности, КФС замещающего действия могут быть использованы не только для восполнения утраченных способностей и возможностей человеческого организма – не исключается, что такие системы позволят улучшить те или иные физические или интеллектуальные характеристики лица, дав ему за счет этого преимущества по отношению к иным участникам гражданского оборота (например, возможно применение глазных имплантатов для улучшения остроты зрения, стимулирование отдельных зон мозга в целях улучшения свойств памяти и мышления и т.п.). Измерительные КФС, как уже отмечалось, предполагают возможность вывода информации о пользователе на вычислительное устройство иного лица, а потому сфера их использования также наполнена разнообразными рисками – от неблагоприятного влияния на область частной жизни субъекта до дискриминации в экономических отношениях (предпринимательской или трудовой деятельности), при оказании медицинских услуг и др.

Однако больше всего проблем практического и правоприменительного свойства прогнозируется применительно к КФС широкого спектра действия, поскольку такая система оказывается способной полностью исключить пользователя из цепочки принятия интеллектуальных решений, посредством которых реализуется его гражданская правоспособность. При этом как сам субъект, так и взаимодействующие с ним лица могут испытывать затруднения, вызванные принятыми КФС интеллектуальными решениями (например, о прекращении хозяйственной деятельности, о расторжении брака, о прекращении лечения и др.).

В цивилистической доктрине учет этих особенностей предлагается осуществлять, рассматривая такую систему в качестве агента использу-

ющего ее лица или признав КФС самостоятельным субъектом права по аналогии с юридическим лицом. Рассмотрим каждое из этих возможных решений более подробно.

Киберфизическая система как субъект, выполняющий посреднические функции (агент по договору агентирования).

Признание КФС агентом по договору агентирования в теории имеет своей предпосылкой осмысление правового режима электронных агентов, наделяемых возможностью совершать действия, приобретающие значение юридических фактов для субъектов гражданского права [5, с. 29]. В некоторых случаях возникающие между КФС и «обычным» субъектом права «отношения» определяются как родственные отношения работодателя и работника, поскольку, действуя в интересах организации, работник создает права и обязанности для последней (включая в соответствующих случаях и обязанность по возмещению вреда) [8, с. 475]. Возможность использования КФС для обработки юридических значимых фактов и принятия на их основе решения о совершении (несовершении) юридически значимых действий, на первый взгляд, подтверждает обоснованность этой концепции и подчеркивает ее практическую значимость.

Очевидно, что способность действовать по поручению иного лица предполагает наличие правосубъектности (правоспособности и дееспособности) у самого «агента» («работника»). Впрочем, на этот счет в рамках рассматриваемого подхода высказываются различные мнения. К примеру, указывается, что КФС интеллектуального типа разрабатываются специально для воспроизведения когнитивных способностей человека, а значит ближе по своей природе к физическим, а не юридическим (искусственным, коллективным) субъектам [14, с. 105]. Таким образом, хотя и косвенно, признается возможность обладания КФС правосубъектностью, не равнозначной, но близкой по содержанию и значению к правосубъектности граждан. Согласно иной, весьма оригинальной позиции, при распространении на пользователей КФС строгой ответственности за «действия» системы правосубъектность как таковая не требуется для киберфизических «агентов». Обусловлено это тем, что появление нового субъекта права, в отличие от тех же юридических лиц, в данном случае вызвано не ограничением, а, наоборот, расширением пределов ответственности [10, с. 145].

Не касаясь внутренней противоречивости подхода, предполагающего признание субъектом гражданского права (и оборота) некоего правосубъектного образования, следует заметить, что оценка обоснованности применения описанного

теоретического подхода требует некоторых пояснений относительно значения категории правосубъектности в целом. Классическая доктрина исходит из двухчастной структуры гражданской правосубъектности граждан, в рамках которой компонент правоспособности определяется как абстрактная способность или свойство физического лица быть носителем гражданских прав и обязанностей, признаваться субъектом гражданского права. Дееспособность, в свою очередь, рассматривается как способность в данный момент времени, самостоятельно приобретать и реализовывать соответствующие права, принимать на себя и исполнять обязанности в гражданских правоотношениях.

За рамками приведенных традиционных определений остается характеристика физических, психических и социальных предпосылок, формирующих состояние «правовой зрелости» физического лица, позволяющих воспринимать его в качестве полноценного субъекта права. Именно по этой причине, на наш взгляд, в цивилистике все чаще предлагаются подходы к определению правосубъектности, подчеркивающие ее внутреннюю основу. Правосубъектность рассматривается как признанная правом порядком способность юридически значимого проявления воли в области общественных связей, урегулированных гражданским правом [6, с. 119], как способность субъекта взаимодействовать с правовой реальностью через систему юридических фактов и пр. [15, с. 49]

Сказанное в целом подтверждает, что наличие правосубъектности у физического лица предполагает возможность установления между внутренними психическими процессами и юридически значимыми обстоятельствами, принятие (оценку) совершаемых действий или отказа от их совершения непосредственно в контексте вероятных правовых последствий. При всем разнообразии современных КФС эта характеристика не может отождествляться со способностью КФС получать информацию из организма человека или внешнего мира и принимать на ее основе сложные (вариативные) решения. Вряд ли можно согласиться с тем, что правосубъектность КФС придает вариативность ее «поведения», невозможность заранее предсказать тот вид интеллектуального решения, который выберет система [7, с. 82]. Тем более, нельзя говорить об «эмоциональности» КФС, понимаемой как возможность ошибки (принятия решения, не соответствующего заложенным алгоритмам) [12, с. 39]. Представляется, что КФС доступно лишь воздействие на «среду обитания», условия существования и реализации правосубъектности «обычного» субъекта гражданского оборота, в котором последним при-

нимаются решения о вступлении (отказе от вступления) в гражданские правоотношения, принятии на себя конкретных обязанностей. В виду указанных причин КФС не может быть определена в качестве лица, осуществляющего посреднические функции (агента).

Киберфизическая система как самостоятельный субъект права (квази-лицо).

Признание КФС в качестве самостоятельного субъекта права (квази-лица) представляется в современной цивилистической доктрине одним из наиболее простых вариантов учета влияния таких систем на возможность реализации гражданско-правоспособности и основывается на утверждении о том, что для гражданского оборота определяющее значение имеет формальное, а не физическое существование субъекта, его действительная роль в складывающихся хозяйственных отношениях. В рамках такого подхода отмечается, что в цивилистике в течение столетий не обнаруживается противоречия между искусственным характером такого правового образования, как юридическое лицо, и признанием наличия у него независимой воли, реализующейся в гражданских правоотношениях (так называемой «правовой воли») [13, с. 23]. При этом КФС, созданные на основе технологии искусственного интеллекта (интеллектуальные), в отличие от юридических лиц, даже в меньшей степени подвержены влиянию со стороны своих создателей (учредителей), поскольку принимаемые ими решения формируются в условиях информационной автономности, исходя из характера поставленной задачи и полученных сведений [3, с. 11].

Возражения по поводу такой аргументации следует строить, на наш взгляд, на том, что свойство юридической фикции, присущее юридическому лицу, имеет совершенно иное значение и содержательное наполнение, нежели аналогичское свойство, которое предлагается приписывать киберфизическим системам. При всем разнообразии доктринальных подходов к определению правовой природы юридических лиц, каждый из них обосновывает юридическую индивидуализацию коллективного субъекта таким образом, чтобы указанный субъект воспринимался в сфере гражданского оборота как обладающий волей и способный к выражению собственного волеизъявления. В то же время, наличие такой воли и возможность выражения собственного волеизъявления совершенно не означает, что этот признак юридического лица существует имманентно и не коррелирует с развитием внутренних психических процессов человека.

Так, например, теория фикции, позволяет отсечь волю и интересы юридического лица от

воли и интересов субъектов корпоративных отношений, подчеркивает при этом невозможность осуществления прав и исполнения обязанностей без особых правовых конструкций, в качестве которых определяются органы управления организацией. Именно в рамках деятельности таких органов концентрат воли и волеизъявления физических лиц приобретает необходимые для самостоятельного существования юридического лица правовые формы. В данной части следует признать обоснованной позицию о том, воля организации изначально носит юридический характер, а процесс волеизъявления такого субъекта становится распознаваемым благодаря юридическому нормированию процедур, связанных с управлением организацией, применению особой юридической техники для определения полученного результата [4, с. 9]. Развивает этот подход теория коллективного управления имуществом, подчеркивающая, что интересы и цели юридического лица определяются его участниками. Разница состоит лишь в том, что процесс управления организацией здесь признается тождественным процессу управления ее имуществом (формирования юридической воли относительно ее имущества). Наконец, теория социальной имитации напрямую связывает существование организации с объединением физических лиц, указывая при этом, что под воздействием друг друга такие субъекты формируют некую правовую волю, отличную от воли каждого из них в отдельности.

Предполагая, что идея признания КФС самостоятельным правом базируется на предположении о возможности обоснования для целей гражданско-правового регулирования качественно новой фиктивной конструкции лица, следует обращать внимание, однако, на то, каким (если он не связан с взаимодействием между физическим лицами) должен быть процесс формирования воли и выражения волеизъявления такого квази-субъекта. При этом можно допустить, что такой процесс может основываться на взаимодействии человека и КФС с интеллектуальным компонентом. Однако, представляется, что для вывода о возможности формирования КФС правовой воли и выражения волеизъявления, имеющего значения в гражданских правоотношениях недостаточно признака информационной обособленности киберфизической системы, поскольку возможность участия в гражданском обороте в качестве самостоятельного лица связывается еще и с характеристикой имущественной обособленности, а также наличием правовых механизмов, которые позволяли бы достоверно установить направленность осуществляемой деятельности на осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей.

В КФС такие механизмы могут связываться с воздействием некоего участвующего (контролирующего) субъекта – физического лица, которое, в свою очередь, может наделять образующийся субъект оборота определенными имуществом в целях придания ему признака имущественной обособленности. Таким образом, возможность признания КФС самостоятельным субъектом права по аналогии с юридическим лицом существует, однако требует оценки с позиции целесообразности ее использования в гражданском обороте при осуществлении отдельных видов деятельности. Например, речь может идти о деятельности по сдаче в аренду «умных домов», в рамках которой не предполагается взаимодействия арендатора с собственником, а все необходимые манипуляции и оформление договора производит сама система. Однако и в этом случае отсутствуют достаточно веские аргументы против того, чтобы рассматривать КФС в качестве специфической разновидности имущества, используемого в своей деятельности физическим лицом (индивидуальным предпринимателем) или организацией.

Заключение

Подводя итог сказанному, следует заметить, что каждый из доктринальных подходов, предлагаемых в цивилистической доктрине для целей учета особенностей влияния КФС на способность субъектов права осуществлять гражданские права и нести обязанности, может быть подвергнут критике с позиции цивилистического учения о лицах и, вместе с тем, открывает новые перспективы для его развития. Так, в частности, обоснованность признания КФС широкого спектра действия агентом субъекта прав подвергается сомнению в виду того, что такие функции могут быть возложена только на правосубъектное лицо. Правосубъектность же, в свою очередь, предполагает принятие (оценку) совершаемых действий или отказа от их совершения непосредственно в контексте вероятных правовых последствий, что несвойственно КФС, несмотря на возможность получать информацию из организма человека или внешнего мира и принимать на ее основе интеллектуальные решения.

Идея признания КФС самостоятельным субъектом права наравне с юридическим лицом с позиции ее современного теоретико-правового обоснования не учитывает особенностей правового статуса коллективных субъектов права, производности процессов формирования их воли и выражения волеизъявления от результатов психической деятельности физических лиц (субъектов, образующих органы управления юридического лица). Вместе с тем, именно эта идея представляет значительный интерес в русле развития

качественно новой фиктивной конструкции участника гражданского оборота (квази-лица), для которого аналогичные процессы опосредуются воздействием на КФС управляющего субъекта – традиционного субъекта гражданского оборота (гражданина или организации). Реализация такой модели предполагает, что на последнего возлагаются обязанности по наделению КФС обособленным имуществом для осуществления экономической деятельности. Область применения такой модели очерчена такими видами этой деятельности, для которых свойственно применение технологических возможностей КФС и отсутствие непосредственного контакта с контрагентом на стадии возникновения, а также на всем протяжении существования договорных отношений.

Список литературы:

[1] Анисимов А.В. Гражданско-правовой статус киберфизических систем до и после имплантации в тело человека // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 11 (87). – С. 144-150.

[2] Баракина Е.Ю. К вопросу формирования перспективной терминологии в области правового регулирования применения киберфизических систем // Российская юстиция. – 2020. – № 1. – С. 70-73.

[3] Бахтеев Д.В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 4 (209). – С. 9-23.

[4] Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Вилкин Сергей Сергеевич. – М., 2009. – 31 с.

[5] Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 15-30.

[6] Груздев В.В. О сущности гражданской правосубъектности // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2. – С. 113-121.

[7] Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции / И.Р. Бегишев, Э.Ю. Латыпова, Д.В. Кирпичников // Russian Journal of Economics and Law. – 2020. – № 1. – С. 79-91.

[8] Казанцев Д.А. Проблемы и перспективы регулирования отношений в рамках сделки, совершенной с участием искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1 (2). – С. 438-463.

[9] Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и

юридические свойства / Д.Л. Кутейников, О.А. Ижаев, С.С. Зенин [и др.] // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 3 (111). – С. 75-81.

[10] Незнамов А.В., Смит Б.У. Робот не виноват! Взгляд из России и США на проблему ответственности за вред, причиненный роботами // Закон. – 2019. – № 5. – С. 135-156.

[11] Рыжова А.А., Рябенкова Е.Г. Правовые аспекты гарантии защиты прав человека в условиях развития инноваций в сфере медицины // Наука. Общество. Государство. – 2023. – Т. 11. – № 1 (41). – С. 58-67.

[12] Садовская Е.Д., Винокуров Ф.Н. Социальные представления об искусственном интеллекте: полезный, эмоциональный и смешной // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2024. – № 1. – С. 35-53.

[13] Серова О.А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы // Гражданское право. – 2018. – № 3. – С. 22-24.

[14] Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 12. – С. 94-109.

[15] Шапсугова М.Д. Особенности правосубъектности индивидуального предпринимателя // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2017. – № 1. – С. 44-52.

Spisok literatury:

[1] Anisimov A.V. Grazhdansko-pravovoi status kiberfizicheskikh sistem do i posle implantatsii v telo cheloveka [Civil-legal status of cyber-physical systems before and after implantation into the human body] // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSAL)]. – 2021. – № 11 (87). – P. 144-150. (In Russ.).

[2] Barakina E.Iu. K voprosu formirovaniia perspektivnoi terminologii v oblasti pravovogo regulirovaniia primeneniia kiberfizicheskikh sistem [On the issue of forming promising terminology in the field of legal regulation of the use of cyber-physical systems] // Rossiiskaia ius-titsiia [Russian justice]. – 2020. – № 1. – P. 70-73. (In Russ.).

[3] Bakhteev D.V. Pravovoi status sistem iskusstvennogo intellekta i modeli differentsiatsii iuridicheskoi otvetstvennosti za prichinennyi imi vred [Legal status of artificial intelligence systems and models of differentiation of legal liability for damage caused by them] // Lex Russica (Russkii zakon) [Lex Russica (Russian Law)]. – 2024. – Т. 77, № 4 (209). – P. 9-23. (In Russ.).

[4] Vilkin S.S. Grazhdansko-pravovaia priroda volevykh aktov kollegial'nykh organov iuridicheskogo

litsa [Civil-law nature of volitional acts of collegial bodies of a legal entity]: avtoref. diss. ... kand. iurid. nauk: 12.00.03 / Vilkin Sergei Sergeevich. – M., 2009. – 31 p. (In Russ.).

[5] Gadzhiev G.A. lavliaetsia li robot-agent litsom? (Poisk pravovykh form dlia regulirovaniia tsifrovoi ekonomiki) [Is a Robot Agent a Person? (Searching for Legal Forms to Regulate the Digital Economy)] // Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]. – 2018. – № 1 (253). – P. 15-30. (In Russ.).

[6] Gruzdev V.V. O sushchnosti grazhdanskoi pravosub"ektnosti [On the essence of civil legal personality] // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Current issues of Russian law]. – 2018. – № 2. – P. 113-121. (In Russ.).

[7] Iskusstvennyi intellekt kak pravovaia kategoriia: doktrinal'nyi podkhod k razrabotke definitsii [Artificial intelligence as a legal category: a doctrinal approach to developing a definition] / I.R. Begishev, E.Iu. Latypova, D.V. Kirpichnikov // Russian Journal of Economics and Law [Russian Journal of Economics and Law]. – 2020. – № 1. – P. 79-91. (In Russ.).

[8] Kazantsev D.A. Problemy i perspektivy regulirovaniia otnoshenii v ram-kakh sdelki, sovershennoi s uchastiem iskusstvennogo intellekta [Problems and prospects for regulating relations within the framework of a transaction concluded with the participation of artificial intelligence] // Journal of Digital Technologies and Law [Journal of Digital Technologies and Law]. – 2023. – № 1 (2). – P. 438-463. (In Russ.).

[9] Kiberfizicheskie, kiberbiologicheskie i iskusstvennye kognitivnye si-stemy: sushchnost' i iuridicheskie svoistva [Cyber-physical, cyber-biological and artificial cognitive systems: essence and legal properties] / D.L. Kuteinikov, O.A. Izhaev, S.S. Zenin [i dr.] // Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka [Russian law: education, practice, science]. – 2019. – № 3 (111). – P. 75-81. (In Russ.).

[10] Neznamov A.V., Smit B.U. Robot ne vino-vat! Vzgliad iz Rossii i SShA na problemu otvetstvennosti za vred, prichinennyi robotami [It's Not the Robot's Fault! A Russian and US Perspective on Liability for Harm Caused by Robots] // Zakon [Law]. – 2019. – № 5. – P. 135-156. (In Russ.).

[11] Ryzhova A.A., Riaben'kova E.G. Pravovye aspekty garantii zashchity prav che-loveka v uslovii-akh razvitiia innovatsii v sfere meditsiny [Legal aspects of guaranteeing the protection of human rights in the context of the development of innovations in the field of medicine] // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo [Science. Society. State.]. – 2023. – T. 11. – № 1(41). – P. 58-67. (In Russ.).

[12] Sadovskaia E.D., Vinokurov F.N. Sotsi-al'nye predstavleniia ob iskus-stvennom intellekte: poleznyi, emotsional'nyi i smeshnoi [Social Representations of Artificial Intelligence: Useful, Emotional, and Funny] // Vestnik RGGU. Seria «Psikhologiiia. Pedagogika. Obrazovanie» [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education"]. – 2024. – № 1. – P. 35-53. (In Russ.).

[13] Serova O.A. Roboty kak uchastniki tsifrovoi ekonomiki: problemy opre-deleniia pravovoi prirody [Robots as participants in the digital economy: problems of determining the legal nature] // Grazhdanskoe pravo [Civil law]. – 2018. – № 3. – P. 22-24. (In Russ.).

[14] Channov S.E. Robot (sistema iskusstvennogo intellekta) kak sub"ekt (kvazi-sub"ekt) prava [Robot (artificial intelligence system) as a subject (quasi-subject) of law] // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Current issues of Russian law]. – 2022. – T. 17. – № 12. – P. 94–109. (In Russ.).

[15] Shapsugova M.D. Osobennosti pravosub"ektnosti individual'nogo pred-prinimatelia [Peculiarities of legal capacity of an individual entrepreneur] // Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava [Journal of Business and Corporate Law]. – 2017. – № 1. – P. 44-52. (In Russ.).

